

УДК821.411.16-31
ББК 84(5Изр)-44
Г88

David Grossman

A HORSE WALKS INTO A BAR

Copyright © David Grossman, 2014

This edition published by arrangement with Deborah Harris
Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с иврита *В. Радуцкого*
Художественное оформление *Т. Лариной*

Гроссман, Давид.
Г88 Как-то лошадь входит в бар / Давид Гроссман ;
[пер. с ивр. В. А. Радуцкого]. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101253-3

Целая жизнь — длиной в один стэндап.

Довале — комик, чья слава уже давно позади. В своем выступлении он лавирует между безудержным весельем и нервным срывом. Заигрывая с публикой, он создает сценические мемуары. Постепенно из-за фасада шуток проступает трагическое прошлое: ужасы детства, жестокость отца, военная служба. Юмор становится единственным способом, чтобы преодолеть прошлое.

УДК 821.411.16-31
ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-04-101253-3

© В. Радуцкий, перевод на русский язык, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«КАК-ТО ЛОШАДЬ ВХОДИТ В БАР». ПОЧЕМУ?

Предисловие переводчика

В феврале 2018 года, в год празднования 70-летия со дня провозглашения независимости Государства Израиль, Давид Гроссман был удостоен Премии Израиля в области литературы и поэзии — высшей награды страны. Как свидетельствует комиссия по присуждению премий, «голос Давида Гроссмана — один из самых глубоких, трогательных голосов израильской литературы, оказывающий существенное влияние на нашу жизнь».

Но, вспоминая свои первые годы в Иерусалиме, могу сказать, что на меня лично, на мое становление как израильтянина, относительно недавно прибывшего из СССР, оказал влияние реальный голос Давида Гроссмана: я старался не пропускать утренние передачи главного канала израильского радиовещания, в которых принимал участие неизвестный мне тогда человек, и его особый голос с великолепной дикцией и незабываемым тембром запомнился на всю жизнь. Гроссман работал на радио и корреспондентом, и актером, и автором сценариев радиопостановок. Он был одним из ведущих популярной передачи «Кот в мешке», около четырех лет редактировал и вел передачу «Добрый вечер, Иерусалим», которая замечательно рассказывала о Городе...

Свою карьеру на радио, которая длилась четверть века, Гроссман начал в возрасте... девяти лет, в 1963 году, посылая свои корреспонденции в студию молодежного вещания. После завершения военной службы (1972–1975) в подразделении 8200 (в Израиле это прославленное подразделение, относящееся к отделу разведки Армии обороны Израиля, известно под названием «Восемь двести») Давид работает диктором, выступает актером в радиопьесах, становится автором серии радиопередач, из которых и родилась его первая книга «Дуэль» (1982). И хотя перспективный радиожурналист и диктор Давид Гроссман за свои творческие достижения удостоивается нескольких премий, в 1988 году его уволили из Государственного управления теле- и радиовещания за публичный протест против тех ограничений свободы слова, которые власти наложили на сотрудников и корреспондентов израильского радио. Правда, суд отменил решение об увольнении Гроссмана за резкую критику политики правительства в отношении арабского населения Иудеи и Самарии, но Давид на радио не вернулся.

Он стал писателем. Нет-нет, он не заперся в башне из слоновой кости, продолжал публиковаться в периодической печати, принял участие в общественной деятельности радикального крыла израильских левых, связанной с защитой прав арабов в Государстве Израиль (Гроссман описал ее в том числе в книге «Присутствующие отсутствующие», 1992). Со времени выхода его первой книги (1982 год, хотя первый рассказ «Ослы» увидел свет еще в 1979 году) и до сегодняшнего дня (осень 2018 года) Д. Гроссман интенсивно работает. Он

опубликовал семь крупных романов, два сборника рассказов, две повести, три книги публицистики и эссеистики, две его пьесы шли в лучших театрах Израиля, по его книгам поставлены четыре фильма. Он создал серию детских книг о мальчике Итамаре (6 книг), а также книги об Ури, Рути и Рахели (всего 12 книг).

Писатель понимает душу подростка, его фантазии, его восприятие реальности. Повести Гроссмана для юношества пользуются огромным успехом, потому что он умеет говорить с подростками не с высоты своего возраста, а находит простые, из сердца идущие слова о насущных проблемах, которые так волнуют юношей и девушек в период взросления, физического и духовного развития: любовь, сострадание, человечность, личностная самооценка, трагичность бытия, мысли о смерти. Его юные герои задумываются о Холокосте (в Израиле принято говорить «Шоа» — «несчастье», «бедствие», а также «Хурбан» — «разрушение»; в израильской русскоязычной печати употребляется также слово «Катастрофа»).

Тема Шоа возникла в книгах Гроссмана далеко не случайно. Давид родился в Иерусалиме в 1954 году. Его отец, уроженец польского местечка Динов, сумел в 1936 году добраться до Эрец-Исраэль¹, где встретил мать писателя. Почти все родные и близ-

¹ Эрец-Исраэль (Земля Израиля, Страна Израиля) — принятое в еврейской традиции, литературе и в быту название Эрец-Исраэль приводится впервые в Библии, в книге Первая Самуила, 13:19 (в русской традиции — Первая Царств), в повествовании о войнах царя Саула (примерно 1030 г. до н.э.). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

кие отца погибли в годы Катастрофы — отсюда тема Холокоста в книгах Давида: историю девятилетнего Момика (Шломо), который пытается узнать, что пережил его дед, Аншел Вассерман, в те страшные годы, рассказывает роман «См. статью «любовь» (1986). Четыре части этого полифонического произведения представляют, по сути, четыре повести, связанные друг с другом. «Я написал этот роман, — говорит сам Д. Гроссман, — чтобы понять себя как еврея. Надо ответить на два вопроса: что бы я мог сделать в том месте и в то время и каким образом нормальный человек становится частью этой машины убийства»...

О романе «Книга внутренней грамматики» (1991) и о его герое, десятилетнем Ахароне Кляйнфельде, мальчике, задумывающемся над сложным, не всегда понятным, с его точки зрения, лживым миром взрослых, Гроссман пишет: «Грамматика — это в смысле быть предельно точным с самим собой. Ахарон не делает самому себе никаких уступок. Он абсолютно точен и честен с самим собой, не давая себе спуска. Я написал целую книгу, чтобы понять, что есть эта внутренняя грамматика одного мальчика по имени Ахарон».

Грамматика у Гроссмана связана с точностью, честностью — в четком соответствии с богатым семантическим полем слова «грамматика» («дикдúk» на иврите), что означает «тщательность», «точность», «тонкость», «выполнение своей задачи достойно, во всех деталях». А если обратиться к употребляемому Гроссманом глаголу, образованному от слова «дикдúk» — «медакдék», то его значение не только «заниматься грамматикой», «занима-

ющийся грамматикой», но и «уточнять», «строго соблюдать». Кстати, великий еврейский поэт, лексикограф, гуманист XVI века Элия Левита носил прозвище «Медакдек» — «Грамматик».

Для писателя «грамматика» — это прежде всего язык. Язык Гроссмана емок, глубок, необычен, иногда трудно переводим, богат разными языковыми пластами. Скажем, в книге «См. статью «любовь» писатель использовал лексику языка идиш, и даже те внимательные, чуткие читатели, не выросшие в доме, где бабушка говорила с родителями на идише, как это было в доме Д. Гроссмана, уловят и мелодию, и мягкость, и иронию, и юмор, и самоиронию языка Шолом-Алейхема, которого Гроссман читал на иврите и герои которого — Тевье-молочник, мальчик Мотл, Менахем-Мендл, Эстер-Либа, мальчик Шимек — стали его товарищами на всю жизнь.

Однако есть еще один аспект авторского письма Д. Гроссмана, который особо проявился в его последней книге «Как-то лошадь входит в бар» (2014).

Роман повествует об одном представлении комика Дова Гринштейна, главного героя книги, выступающего в жанре стендап под сценическим именем Довале Джи. Увы, герой не принадлежит к когорте самых преуспевающих стендаперов; он является своего рода взрослым воплощением прежних гроссмановских персонажей-подростков — Аарона из «Книги внутренней грамматики» или Момика из «См. статью «любовь». Они вдруг выросли и превратились в худошавого мужчину пятидесяти семи лет, низкорослого и в очках. Эту метаморфозу «в обратной перспективе» сам Гроссман описал одной

фразой: «Пятидесятисемилетний мальчик выглядит-ваает из четырнадцатилетнего старика».

В интервью журналистке Изабель Кумар на англоязычном канале «Евроньюс» (2016) Гроссман говорит о своем герое: «Он человек чувствительный, хрупкий, необычайно творческий, жизнь его резко изменилась, когда ему было четырнадцать лет. Я написал, по сути, историю подростка, который потом стал актером-стендапером, и фабула книги — его выступление в ночном клубе в городе Нетания».

Об этом выступлении, его перипетиях рассказывает судья в отставке Авишай Лазар. Довале дружил с ним в далекие школьные годы, а теперь, спустя много лет, судья приглашен в Нетанию по просьбе Довале и должен вынести вердикт по поводу того, каким получилось представление.

Не станем передавать все подробности этого вечера, начавшегося с шуток и анекдотов и завершившегося трагическим рассказом Довале Джи об эпизоде из юности, перевернувшем всю жизнь. И отставной судья Авишай Лазар понял глубину замысла Довале, пригласившего его на выступление: ведь судья, сам того не ведая, был связан с тем судьбоносным событием в юности Довале, о котором тот рассказывал зрителям.

«Как-то лошадь входит в бар» — настоящий израильский роман, подлинно гроссмановский, в котором запечатлены различные аспекты и нюансы нашей жизни, увлекательной, многогранной, где веселье и юмор порою таят глубокую трагедию, — как и присуще еврейскому (и не только!) юмору испокон веков. Но есть еще одна особенность этого

романа: герой, ведя разговор с публикой, широко пользуется израильским сленгом.

Израильский сленг — удивительное явление в израильской культуре, в устной и письменной речи, в израильском бытии и быте.

Определенный пласт сленга в свое время возникает под влиянием выходцев из России и Восточной Европы, говоривших на идише, на русском и на других славянских языках. Например, «саматоха»; это слово из русского пришло в идиш и вошло в иврит в произношении, заимствованном из идиша, с тем же значением: «суматоха». А слово «чемодан» пришло в русский из персидского и татарского, но в иврите так называют «большой чемодан».

Роль армии, ее солдат и офицеров, выходцев из многочисленных еврейских этнических общин в создании, обновлении и совершенствовании израильского сленга трудно переоценить! Армия — один из главных источников сочного, вечно живого, остроумного и неповторимого сленга. Свидетельствую лично: более десяти лет своей израильской жизни я ежегодно призывался в Армию обороны Израиля на резервную службу и за это время сумел познакомиться, немного постичь, а затем и полюбить ивритский сленг. Судьба подарила мне в Израиле еще один подарок — несколько напряженных лет я провел в стенах Еврейского университета в Иерусалиме, где кроме прочих премудростей мне посчастливилось наслаждаться сленгом своих однокашников, студентов и аспирантов, людей образованных, хорошо подкованных также и в тонкостях сленга. На всю жизнь запомнил я свое первое слово израильского сленга, усвоенное еще на первом году жизни

в Иерусалиме и поразившее меня своей образностью, музыкой, динамикой: «чакалáка». Так называется мощная мигалка поперек всей крыши автомобиля полиции. Помню и второе слово: когда на занятие, которое я проводил в лаборатории электроники (на втором году моей израильской жизни), не явился один из учащихся, то его товарищ объяснил мне: «Он тебе устроил бéрез». «Бéрез» — это на иврите «кран», смысл этого выражения — «смыть-ся», «слинять» — очень точно связан с водой, текущей из крана. И я подумал, что языки наши — иврит и русский — очень близки: парень, устроивший «бéрез», возможно, хотел сказать мне: «Кранты»...

«Всякий, кто любит язык, не может не любить всей душой сленг».

Эти слова замечательной израильской писательницы Шуламит Харэвен (1930–2003), первой женщины, избранной (1979) в Академию языка иврит, я процитировал Давиду Гроссману, когда рассказал, что, переводя его роман, я попытался — буквально в нескольких словах в конце страницы — пояснить сленговые выражения, звучащие из уст героя.

Давид грустно вздохнул: «Шуламит была моим близким, сердечным другом, и мне ее очень не хватает. Она права. Надеюсь, что твои усилия будут приняты русскими читателями».

Я рассказал Давиду, что мне тоже довелось общаться с Шуламит, в свое время я был тепло принят в ее доме и даже напечатал некоторые фрагменты из своих бесед с этой мудрой, глубокой женщиной. И еще сказал ему, что к русскому переводу романа я прилагаю алфавитный словарик сленговых выражений, которые встречаются в книге и приводятся

Как-то лошадь входит в бар

в примечаниях в конце страницы. На всякий случай. Вдруг мой читатель забыл то, *что* я пояснил на предыдущих страницах, и словарик придет ему на помощь.

И в заключение — почему книга называется «Как-то лошадь входит в бар». В упомянутой уже беседе Давида Гроссмана с Изабель Кумар Давид отвечает на этот вопрос так: «Я с трудом запоминаю анекдоты, но в процессе работы над книгой я научился их помнить и сегодня держу в памяти около тридцати разных анекдотов. Расскажу анекдот, давший название книге, начало которого озвучил со сцены мой герой Довале, но до конца он так и не добрался:

«Как-то лошадь входит в бар, обращается к бармену, просит рюмку водки. Бармен замирает, смотрит на лошадь с изумлением, подает ей рюмку водки. Лошадь залпом выпивает, спрашивает: «Сколько стоит?» Бармен говорит: «Пятьдесят баксов». «О'кей», — отвечает лошадь, платит деньги и направляется к двери. Бармен бежит за ней следом: «Простите меня, миссис Лошадь, погодите! Это ведь так удивительно! Говорящая лошадь! Я никогда не видел ничего подобного!» Лошадь грустно смотрит на бармена и говорит ему: «С вашими ценами вы такого больше никогда и не увидите»...

Виктор Радущкий¹

¹ Переводчик считает своим долгом выразить сердечную благодарность Анатолию Головахе, иерусалимскому математику-программисту, поэту и переводчику, который внимательно прочитал рукопись перевода перед отправкой в издательство и сделал ряд ценных замечаний и уточнений.

КАК-ТО ЛОШАДЬ ВХОДИТ В БАР

— Добрый вечер, добрый вечер, дооо-брый вечер, Кейсари-я-а-а-а!!!

Сцена по-прежнему пуста. Из-за кулис раздаётся громкий крик. Сидящие в зале потихоньку затихают, улыбаясь в предвкушении. Худошавый, низкорослый и очкастый субъект вылетает на сцену из боковой двери, словно вытуренный оттуда пинком. Спотыкаясь, он делает еще несколько шагов по сцене, едва не падает, тормозит обеими руками о деревянный пол, а затем резким движением задирает кверху зад. По залу прокатывается смех, публика аплодирует. Люди все еще заходят из фойе, громко болтая.

— Дамы и господа, — объявляет, не разжимая губ, мужчина, сидящий за столом со световым пультом, — встречайте аплодисментами Довале Джи.

Человек на сцене по-прежнему пребывает в позе обезьяны, его большие очки криво сидят на носу. Он медленно оборачивается к залу и окидывает его долгим немигающим взглядом.

— О, — фыркает он, — не Кейсария, нет?

Раскаты смеха. Он медленно выпрямляется, отряхивает ладони от пыли.

— Похоже, мой агент опять меня поймел?

Слышатся выкрики из публики. Человек бросает ошеломленный взгляд в зал:

— Что такое? Что ты сказала? Ты, седьмой столик, да-да, ты, милочка, *мабрук*¹, у тебя новые губки, тебе они очень к лицу!

Женщина хихикает и прикрывает рот ладонью.

Человек стоит на краю сцены, слегка раскачиваясь взад-вперед.

— Будь серьезной, моя прелесть, ты всамделе сказала «*Нетания*»?

Его глаза расширились, почти заполнив линзы очков:

— Дайте соображу: ты мне здесь говоришь, в здравом уме и с предельной наглостью, что я сейчас, *ашкара*², в Нетании, да еще и без бронжилета?³

Скрестив ладони, он в ужасе прикрывает ими причинное место. Публика восторженно ревет. Тут и там раздаются свист. Входят еще несколько пар, а за ними — шумная компания молодых мужчин, по-видимому, солдаты в увольнении. Маленький зал заполняется. Знакомые машут друг другу. Три официантки в шортах и фиолетово светящихся маечках с круглым вырезом выходят из кухни и снуют между столиками.

— Послушай-ка, Губки, — человек улыбается женщине за седьмым столиком, — я с тобой еще не закончил, давай поговорим об этом... Нет, потому что ты кажешься мне девушкой серьезной, с ориги-

¹ *Мабрук* — благословение по поводу радостного события или позитивного процесса (*арабск.*).

² *Ашкара* — прямо-таки (*сленг, арабск.*).

³ Курортный город Нетанию нередко и не без оснований называют криминальной столицей Израиля.